

ФИНАНСЫ, КРЕДИТ, СТРАХОВАНИЕ

УДК 336.01

А. В. Канаев

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

Первое десятилетие XXI в. отмечено возросшим интересом правительственных финансовых органов, официальных ведомств и бизнес-сообщества первоначально к стратегическим аспектам реформирования банковской системы (до 2005 г.), а затем, по мере ее укрепления, к поиску путей и средств дальнейшего развития. Определяющим фактором стал переход российской экономики в стадию экономического роста, затронувший все социально-экономические процессы и определивший возвращение России в «лигу» ведущих стран мира. Эти обстоятельства обусловили активизацию научных исследований по выработке концептуальных основ банковского стратегического управления, а также ускорили подготовку и публикацию практических программных документов, определяющих цели, направления и механизмы реализации стратегии развития российской банковской системы¹.

¹ К таким документам относятся: подготовленные Банком России и Правительством РФ «Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации» (2001) и «Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2008 года» (2005), «Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года» (2011); разработки Ассоциации российских банков «Стратегия повышения конкурентоспособности национальной банковской системы РФ» (2005) и программа «Национальная банковская система 2010–2020» (2006); доклад первого заместителя Председателя Банка России А. А. Козлова «Сценарии развития российской банковской системы на 2001–2015 гг.» (2001), а также серия стратегических докладов, сценариев и аналитических материалов: «Банковская система России в условиях мирового экономического кризиса» (доклад на заседании Ученого совета Института экономики РАН, 2009), «Предложения к стратегии развития банковского сектора на 2010–2012 гг.» (Ассоциация региональных банков России совместно с рейтинговым агентством «Эксперт РА», 2009), «Банки в посткризисной экономике: Россия и международная практика» (Ассоциация региональных банков России и консалтинговая группа «Банки. Финансы. Инвестиции», 2010), «Стратегия финансового обеспечения и инновационного роста экономики

Александр Владимирович КАНАЕВ — д-р экон. наук, профессор кафедры теории кредита и финансового менеджмента Экономического факультета СПбГУ. В 1978 г. окончил Экономический факультет ЛГУ. В 1987 г. защитил кандидатскую, в 2008 г. — докторскую диссертации. В 1978–1992 гг. работал в различных научно-исследовательских и высших учебных заведениях, в 1993–2001 гг. — в ряде коммерческих банков Санкт-Петербурга. Прошел стажировку в иностранных банках в Венгрии, Великобритании и Германии. С 2001 г. работает в СПбГУ. Сфера научных интересов — теория кредита, денежно-кредитная политика, банковское дело в России и за рубежом, управление коммерческими банками. Автор более 30 публикаций.

© А. В. Канаев, 2011

Анализ содержания указанных документов позволяет сделать вывод о серьезном прогрессе в области банковского стратегического управления, достигнутом в последнее десятилетие. К настоящему времени накоплен практический опыт решения ряда стратегических задач в рамках реализации официальных стратегий развития банковской системы (2001 и 2005 гг.) и сформирована теоретико-методологическая основа для решения наиболее актуальных проблем в этой области. Вместе с тем ряд концептуальных вопросов, касающихся фундаментальных теоретических и практических аспектов выработки и реализации стратегии, остаются предметом широкой дискуссии и требуют дальнейшей разработки. Поиску и постановке таких ключевых вопросов, образующих «интеллектуальные развилки», и посвящена настоящая статья. При этом автор статьи разделяет установку английского исследователя Ричарда Коха, который писал: «Новизна в стратегическом мышлении представляется гораздо менее важной, чем синтез того, что уже известно, при четком понимании условий применения и компромиссами между различными подходами...» [1, с. 35].

Стратегии и концепции

С середины 80-х годов XX столетия началось глубокое проникновение изначально сугубо военных стратегических идей в управленческую теорию и практику. Это влияние сказалось на формировании нового научного направления, получившего название теории стратегического управления (менеджмента). Вместе с тем относительная «молодость» данной дисциплины проявляется в трудностях, которые сопровождают реализацию ее базовых положений и принципов в управленческой практике компаний, банков и государственных структур. Некоторые из них носят сугубо теоретический характер и определяются сложностью и многогранностью данного управленческого феномена, что находит отражение в существовании многочисленных и часто противоположных трактовок стратегии и стратегического управления [2, с. 12–18]. Существуют проблемы, которые имеют терминологический характер, связанный как с частой подменой понятий «стратегия» и «концепция», так и с многообразием их определений.

Вместе с тем следует отметить ряд плодотворных, на наш взгляд, попыток установить четкую субординацию данных фундаментальных понятий и дать их содержательную экономико-управленческую характеристику. Действительно, в «Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации» (одобрена Указом Президента Российской Федерации от 29.04.1996 № 608) отмечалось, что этот документ развивает и конкретизирует соответствующие положения Концепции национальной безопасности Российской Федерации. Последняя представляет собой «систему взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и го-

(состояние, прогноз развития)» (под ред. Я. М. Миркина, 2010), «Структурная модернизация финансовой системы России» (Институт Современного развития и Банк Москвы, 2010), «Банковская система России 2011: тенденции и приоритеты посткризисного развития» (Ассоциация региональных банков России и консалтинговая группа «Банки. Финансы. Инвестиции», 2011), «Вызов десятилетия: качество и доступность банковских услуг» (Ассоциация российских банков, 2011), стратегические сценарии сбалансированного развития банковской системы России, разработанные коллективом Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) и сотрудниками ГУ-ВШЭ в 2010–2011 гг. В настоящее время стратегические исследования ведутся членами экспертной группы «Развитие финансового и банковского сектора» в рамках подготовки предложений по совершенствованию Стратегии 2020.

сударства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. В данной Концепции сформулированы важнейшие направления государственной политики Российской Федерации» [3]. В указанных документах подчеркивается, что реализация государственной стратегии должна осуществляться через систему конкретных мер, реализуемых на основе качественных индикаторов и количественных показателей — макроэкономических, демографических, внешнеэкономических, экологических, технологических и др.

Очевидно, что к середине 1990-х годов были заложены основы методологии стратегического планирования в области национальной безопасности. Она оказалась востребованной в разгар кризиса, что нашло отражение в опубликованной в 2009 г. «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537). Согласно п. 3 этого документа, принятая стратегия — *официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер* в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу. Концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности *базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости* Стратегии 2020 и «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р). В п. 4 отмечается, что Стратегия 2020 является *базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности* Российской Федерации, в котором излагаются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности.

Сходная методология содержится в «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22.11.2008 № 1734-р) и «Энергетической стратегии России на период до 2030 года» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.11.2009 № 1715-р). В последней определяются цели и задачи долгосрочного развития энергетического сектора страны на предстоящий период, приоритеты и ориентиры, а также механизмы государственной энергетической политики на отдельных этапах ее реализации, обеспечивающие достижение намеченных целей. «Энергетическая стратегия...» формирует новые ориентиры развития энергетического сектора в рамках перехода российской экономики на инновационный путь развития, предусмотренный Концепцией 2020.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современных официальных стратегических разработках, касающихся развития наиболее значимых инфраструктурных отраслей и чувствительных функциональных областей государственной политики, нашли отражение сформулированные экономической наукой важнейшие принципы организации стратегического управления и планирования. В них четко фиксируются взаимосвязь и взаимообусловленность (субординация) управленческих процессов: *государственная политика — концепция развития — стратегия — система мер, механизмов и планов*.

Что же касается стратегии развития российской банковской системы, то здесь ситуация совершенно иная. Ни одна из трех принятых версий официальной стратегии (2001, 2005 и 2011 гг.) по форме и содержанию не соответствует «формату» стратегических разработок. Основная претензия к принятым документам — отсутствие четко определенных целей, задач, системы приоритетов и адекватных целевых

показателей, ресурсного обеспечения, а также критериев решения проблем, сроков и этапов реализации стратегических мер и инициатив. Кроме того, можно говорить об отсутствии преемственности в формировании общей идеологии развития сектора, его стратегического видения. Так, в 2005 г. Правительство РФ и Банк России исходили из того, что одним из приоритетов государственной экономической политики является формирование конкурентоспособного российского банковского сектора, способного развиваться на собственной основе. Такое развитие должно было позволить уже на следующем этапе (2009–2015 гг.) определить в качестве приоритетной задачи *эффективное позиционирование российского банковского сектора на международных финансовых рынках*. В стратегии 2011 г. все гораздо скромнее — основной целью развития сектора на среднесрочную перспективу является активное участие в модернизации экономики на основе существенного повышения уровня и качества банковских услуг, предоставляемых организациям и населению, и обеспечения его системной устойчивости.

Отмеченные недостатки стратегических разработок, непоследовательность и нереалистичность их целей, на наш взгляд, свидетельствуют о необходимости коренного изменения самого процесса организации стратегического управления в отрасли. Для этого, несмотря на сохраняющиеся разногласия между представителями банковских ассоциаций, государственных органов, аналитиками и экспертами относительно сценариев развития российских банков, предстоит начать серьезную работу по выработке единого взгляда относительно содержания концепции стратегии развития банковского сектора. В ней важно определиться с видением будущего российских банков, их перспективным обликом и сформулировать стратегические приоритеты развития сектора. Затем предстоит трудная работа по выстраиванию всей «стратегической композиции» вплоть до конкретных планов и программ, а также создания эффективной системы управления реализацией стратегии.

Платформой для выработки банковской стратегии должна служить концепция национальной стратегии России — «комплекс ключевых идей, взглядов, принципов, дающих целостное представление о возможных сценариях развития общества» [4, с. 28; 5]. Единство и комплементарность указанных концепций определяются тем, что обе они являются *комплексом основополагающих взглядов на цели, приоритеты, формирование ресурсов, способы действий и обеспечивающие их организационные механизмы*.

Другой вариант движения через реально существующую «развилку», определяющую выбор характера и направлений интеллектуальных усилий денежных властей, экспертного и делового сообществ страны, ведет к формированию традиции декларативных посланий (директив), что чревато переходом в режим стратегического «дрейфа» с его издержками и рисками. И это вполне вероятный выбор, поскольку ряд авторитетных специалистов искренне уверены, что «требовать от стратегии конкретного и четкого плана действий неправильно, так как такого рода документы призваны выражать политическую волю и вектор направления развития» (цит. по: [6, с. 51]).

Стратегические цели и задачи

Приведенная выше позиция банковского омбудсмена П. А. Медведева разделяется не только многими экспертами, но и руководителями государственных финансовых структур. При этом большинство из них являются приверженцами активной

экономической политики, сформулированной в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Напомним, что в ней поставлена цель достижения уровня экономического и социального развития, соответствующего *статусу России как ведущей мировой державы XXI в., занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции* и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан: в 2015–2020 гг. Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта (по паритету покупательной способности).

Хорошим примером комплементарности² установок служит стратегическое видение развития транспортной отрасли: «При переходе к интенсивному, инновационному, социально ориентированному типу развития страна стремится стать одним из лидеров глобальной экономики, что требует принятия адекватных стратегических решений по развитию транспортного комплекса на долгосрочную перспективу. На новом этапе транспортная стратегия должна определять активную позицию государства по созданию условий для социально-экономического развития, прежде всего в целях повышения качества транспортных услуг, снижения совокупных издержек общества, зависящих от транспорта, повышения конкурентоспособности отечественной транспортной системы, усиления инновационной, социальной и экологической направленности развития транспортной отрасли» [7].

Формально целям долгосрочного развития страны соответствует задача перехода в 2015 г. к преимущественно интенсивной модели развития банковского сектора, сформулированная в последней версии стратегии банковской системы. Данная модель характеризуется приоритетом качественных показателей и ориентацией деятельности банков на долгосрочную эффективность. Однако эту установку нельзя признать адекватной цели достижения глобального лидерства страны. И дело не в том, что на практике экстенсивная модель бизнеса уже исчерпала свой потенциал. Важно другое. На момент выхода из кризиса (2009 г.) отношение активов банков к ВВП в России составляло 75,4%, Беларуси — 78,3, Словакии — 83, Польше — 85, Болгарии и Литве — по 103, Чехии — 110, Эстонии — 238, Германии — 351, Великобритании — 616%. Отношение капитала банков к ВВП в Словакии составляло 6,6%, Польше — 6,7, Чехии — 7,3, Беларуси — 10,8, в России — 11,8, Италии — 14,4, Швеции — 18,5, Испании — 23,9% [8, с. 7]. Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что российским банкам предстоит еще ни один год наращивать свой потенциал, используя весь арсенал экстенсивных и интенсивных источников роста.

Вероятной причиной неадекватности стратегических намерений разработчиков банковских стратегий, на наш взгляд, является недоучет факторов, определяющих основные приоритеты развития отрасли.

Вызовы и угрозы. В теории стратегического управления конкретизация стратегических намерений в форме целей и задач предполагает проведение анализа внутренней и внешней среды, известного как SWOT-анализ. На практике в последние годы более популярным становится иной вариант идентификации стратегических

² Под комплементарностью целей (задач) мы понимаем наличие между ними отношений взаимодополняемости и взаимного соответствия, что обеспечивает получение дополнительных эффектов от их достижения (решения). Например, инвестиционные проекты связаны между собой отношениями комплементарности, если принятие нового проекта способствует росту доходов по одному или нескольким другим проектам.

факторов, влияющих на выработку стратегии — анализ внутренних и внешних вызовов. Так, в «Энергетической стратегии...» прямо указывается: «Необходимость адекватного ответа на важнейшие внутренние и внешние вызовы долгосрочного развития в сочетании с имеющимися проблемами в энергетической сфере формирует цели и задачи настоящей Стратегии» [9].

В Концепции 2020 сформулированы основные направления долгосрочного социально-экономического развития страны с учетом долговременных системных вызовов. Они отражают как *мировые тенденции*, так и *внутренние барьеры развития* [10]:

- усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления, поддержки инноваций, развития человеческого потенциала;
- появление новой волны технологических изменений, усиливающих роль инноваций в социально-экономическом развитии и снижающих влияние многих традиционных факторов роста;
- возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития;
- исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития, базирующейся на форсированном наращивании топливного и сырьевого экспорта.

Применительно к национальной банковской системе список внутренних барьеров необходимо существенно дополнить за счет угроз его длительному устойчивому развитию. В широком смысле угроза — это не только потенциальные негативные (с позиции национальных интересов) воздействия, но и уже существующие процессы и факторы, подрывающие стабильность экономики и способные в определенный момент времени нанести ей определенный ущерб. Более кратко угрозы можно определить как *совокупность условий, факторов и процессов (действий), которые оказывают или могут оказывать дестабилизирующее влияние на функционирование и развитие банковской системы, препятствуют или могут препятствовать реализации национальных интересов в этой области*.

Угрозы устойчивому развитию банковской системы носят *комплексный характер*. Последний отражает взаимозависимость негативных макроэкономических факторов и специфических трудностей развития собственно банковской системы. Существование последних обусловлено:

- предыдущим состоянием и стихийным приспособлением российской экономики к финансовой политике макроэкономической стабилизации и денежным ограничениям (рестрикциям) середины 1990-х годов;
- неразвитостью национальной банковской системы, вызванной исходными деформациями ее формирования и последующего посткризисного реформирования (неустойчивость, слабая связь с реальным сектором, зависимость от сырьевого сектора и т. п.);
- влиянием внешних финансовых кризисов и шоков.

Важно отметить, что длительное сохранение внутренних угроз без проведения эффективной экономической политики делает отечественную банковскую систему более уязвимой для внешних угроз. Влияние последних состоит также в том, что многие внутренние угрозы носят скрытый (латентный) характер и могут проявляться лишь

под влиянием внешних кризисных импульсов (шоков). Действительно, события, связанные с развертыванием недавнего финансового кризиса, позволили отчетливо выявить ряд слабостей национальной банковской системы и стратегических (масштабных и долговременных) угроз ее устойчивому развитию, учет которых является необходимым условием для разработки банковской стратегии. Кратко рассмотрим их природу.

Дисфункциональность банковской системы. Основной проблемой развития российской банковской системы является несоответствие ее способности трансформировать сбережения в инвестиции значительному масштабу внутренних сбережений, а также высокой и продолжающейся расширяться потребности российской экономики в инвестициях. Результатом стал возрастающий дефицит долгосрочных финансовых ресурсов, что не позволяет российским банкам обеспечить предложение долгосрочного кредита на уровне, адекватном потребностям экономики. Неудовлетворительно мала доля банковских кредитов в структуре источников финансирования капиталовложений предприятий — в «тучном» 2008 г. она достигла исторического максимума и составила всего 11,8% (в том числе иностранных — 3,0%), в то время как в США — 40%, в ЕС в среднем — 42–45%, в Японии — 65% (данные на конец 2005 г.). Доля кредитов в структуре всех финансовых вложений организаций (без субъектов малого предпринимательства) чуть больше — 15% (в том числе иностранных — 9,7%) [11, с. 139; 12].

При этом 48% кредитов выданы на срок до 1 года, 28% — от одного года до трех лет, 24,2% — свыше 3 лет, менее 10% — свыше 5 лет. В Европе наоборот: 51,6% кредитов выдается на срок свыше 5 лет. Сложившаяся ситуация является закономерным результатом преобладания в пассивах российских банков краткосрочных и сверхкраткосрочных средств. Средства сроком до одного года составляют более 60% остатков на счетах и депозитах в российских банках, сроком до трех лет — 95%. Будущий дефицит длинных пассивов банков, необходимых для предложения долгосрочного кредита, к 2012 г. оценивается в 5% ВВП [13, с. 68].

Другим важным проявлением дисфункциональности банковской системы является ее общая *неадекватность размерам реального сектора национальной экономики и уровню концентрации капитала*. Достаточно сказать, что Россия в 2009 г. по величине ВВП находилась на 12-м месте в мире, но занимала лишь 20-е место по величине отношения активов ее банковской системы к ВВП. Для сравнения: 10-я по ВВП Канада занимает 12-е место в мировом банковском рейтинге. Другой важный факт — активы российских банков в 2009 г. (924 млрд евро) были более чем в полтора раза (1,56) меньше активов банков Австрии и почти в три раза (2,92) меньше, чем активы канадских банков.

Дисперсность банковского капитала. Дисфункциональность банковской системы во многом определяется дисперсностью банковского капитала. Эта проблема связана с высокой распыленностью банковского капитала, что не позволяет российским банкам аккумулировать ресурсы для финансирования крупных проектов. Так, средняя величина активов российского банка (без учета Сбербанка) составляет 0,1 млрд долл. против 4 млрд долл. в Южной Корее, 5 млрд долл. в Великобритании и 45 млрд долл. в Японии.

В целом неадекватный уровень концентрации системы определяется двумя факторами: относительно небольшими размерами лидеров рынка (кроме Сбербанка и ВТБ) и наличием обширного «поля» банков с активами менее 5 млн евро (на 01.01.2011 — 40% всех банков). Банки, занимающие в рейтинге национальной системы места ниже

200-го (общее количество банков — 1012), в совокупности являются обладателями 5% активов, 5% кредитов организациям и 8% капитала системы.

Такая распыленность капиталов делает национальный банковский сектор практически неконкурентоспособным в сфере финансирования крупных сделок с участием российских компаний. Поэтому крупные российские предприятия, прежде всего топливно-энергетического комплекса, вынуждены осуществлять значительную долю заимствований, необходимых для финансирования их текущей деятельности и инвестиций, за рубежом.

Фрагментарность финансовой системы и ее зависимость от внешних рынков. Другой серьезной стратегической угрозой для развития российской системы является сохраняющаяся фрагментарность отечественной финансовой системы, которая способствует процессу институционализации стихийно возникшей двухконтурной модели финансирования экономики. Последняя включает в себя: а) национальный финансовый сектор — аккумулярование краткосрочных ресурсов, обслуживающих текущий оборот, финансирование вложений в оборотные средства; б) зарубежный финансовый сектор — аккумулярование долгосрочных сбережений, финансирование вложений в основной капитал и сделок с капитальными активами [14].

Причинами формирования такой модели являлись низкие процентные ставки на международных кредитных рынках, повышение кредитных рейтингов России и крупнейших отечественных компаний, укрепление рубля, а также сохраняющаяся диспропорциональность развития банковского и нефинансового секторов экономики России. В настоящее время кредиты российскому нефинансовому сектору, предоставляемые российскими и иностранными банками, соотносятся примерно как 61 к 39 — соответственно 463, 4 и 291,3 млрд долл. При этом на начало 2011 г. внешние займы самих банков достигли 144,8 млрд долл. Аналогичная ситуация возникла на межбанковском рынке, где доля кредитов, привлеченных от банков-нерезидентов, в общем объеме межбанковских кредитов возросла примерно с 70% в начале 2005 г. до 80% к началу 2008 г. Кризис внес коррективы в положение дел на кредитных валютных рынках, но проблему зависимости от иностранных кредитов не снял. В чем-то она даже ухудшилась.

Так, согласно проведенному Дойче Банком исследованию, уровень внешнего долга российских компаний и банков сопоставим с Турцией, но вдвое выше, чем у Индии и Бразилии, и почти в 5 раз — чем у Китая [15]. За второе полугодие 2010 г. корпоративный внешний долг вырос на 6,6% до 436,2 млрд долл.: банков — на 18,6% до 144,8 млрд, компаний — на 1,5% до 291,3 млрд. При этом около 30% (134 млрд) заняли государственные банки и корпорации. Около 20% всего корпоративного долга в России приходится на долю Газпрома, Роснефти и ВТБ. В пятерку крупнейших российских должников вошли ОАО «Российские железные дороги» и Россельхозбанк.

Стратегический «тупик». Благодаря внешнему финансированию отечественным предприятиям и банкам удастся мобилизовать долгосрочные ресурсы для модернизации экономики. Однако усиление экономической роли двухконтурной модели в условиях дальнейшей либерализации рынка услуг и открытости российской финансовой системы по мере выхода из кризиса зарубежных конкурентов будет неизбежно сопровождаться усилением внешнего конкурентного давления и, как следствие, стагнацией национального банковского сектора и повышением зависимости экономики России от конъюнктуры внешних финансовых рынков. Положе-

ние дел усугубляется низкими стартовыми параметрами развития отечественных банков.

Действительно, анализ интегральных показателей, содержащихся в докладе «Глобальная конкурентоспособность в 2010–2011 гг.», показывает, что по основным факторам, характеризующим работу финансовой системы (financial market development), Россия находится на 125-м месте из 139 стран. Так, по уровню бизнес-процессов (business sophistication) ей досталось лишь 101-е место, по наличию финансовых услуг на рынке (availability of financial services) — 109-е, по устойчивости банков (soundness of banks) — 129-е, по доступности финансовых услуг (affordability of financial services) — 92-е и по доступности кредита (ease of access to loans) — 107-е место [16, p. 286]. В 2010 г. по общему индексу финансового развития (*The Financial Development Index*) Россия занимала в общем рейтинге 40-е место из 57 стран (в 2009 г. у нее была та же 40-я позиция). Другие страны БРИК занимали следующие места: Китай — 22 (26-е), Бразилия — 32 (34-е), Индия — 37 (38-е) (для сравнения: Канада — 6-е, Австрия — 19-е, Чехия — 33-е, Польша — 35-е, Словакия — 36-е место [17, p. 11]).

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1) уровень развития отечественной банковской системы неадекватен уровню концентрации отечественного капитала и не соответствует экономическому потенциалу и геополитическому положению России в мире. По многим показателям отечественная банковская система отстает от банковских систем ряда стран Восточной Европы и СНГ, что не только затрудняет решение задач социально-экономического развития страны, но и создает угрозу экономической безопасности страны. Очевидно, что в современных условиях вопрос о дальнейшем развитии банковской системы вышел за отраслевые рамки и приобрел *характер геополитической проблемы*;

2) характер и источники докризисного развития российской экономики, наличие финансового и инновационного потенциалов, а также решимости и политической воли руководства страны сохраняют возможность сформировать *суверенную банковскую и финансовую системы*, способные самостоятельно осуществлять трансформацию национальных сбережений в инвестиции и обеспечивать условия для устойчивого долгосрочного экономического роста на инновационной основе;

3) для качественного перелома в данной области необходимы отказ от реализуемой в настоящее время стратегии инерционного развития и переход к альтернативному варианту путем выработки новых стратегических решений, направленных в первую очередь на *формирование конкурентоспособного российского банковского сектора*, способного развиваться на собственной основе. Поэтому все варианты предлагаемых сценариев развития российской банковской системы должны разрабатываться как сценарии выхода из стратегического «тупика», образованного сформировавшимися и устойчиво функционирующими институтами инерционного развития;

4) прежде всего предстоит пройти важную интеллектуальную «развилку», связанную с выбором целей развития, его приоритетов и целевых показателей. Достижение консенсуса в этой области значительно ускорит выработку и реализацию действительно эффективных стратегических решений.

Формулируя цели и задачи стратегии, мы не должны забывать о важнейшей особенности стратегии как управленческого феномена. Стратегия в любой сфере деятельности сохраняет свою родовую связь с военной областью, для которой характерны столкновение антагонистических, целенаправленных, обеспеченных необходимыми

ресурсами и продолжительных по времени волевых устремлений и действий оппонентов (противников). Эта связь нашла отражение в определении предмета теории стратегического управления (менеджмента), специфике его концептуальной системы — исследование природы конкурентного преимущества фирмы, средств, с помощью которых оно может достигаться и удерживаться.

Такое понимание конкурентной природы стратегии позволяет определить цель предстоящего движения по траектории инновационного и социально ориентированного развития применительно к банковской системе как *вхождение России в 20 стран по интегральному показателю развития финансового сектора и в 50 наиболее конкурентоспособных стран мира по уровню развития финансовой системы*. Именно эта цель комплементарна приоритетам и ориентирам Концепции 2020 и отражает интересы экономической безопасности страны.

Финансовые власти и банковские стейкхолдеры

Эффективность стратегического управления во многом определяется активным участием в развитии компаний их заинтересованных лиц, называемых стейкхолдерами. Это центральное положение теории стратегического менеджмента применимо как к отдельному банку, так и к национальной банковской системе в целом. В последнем случае круг стейкхолдеров значительно расширяется как по количеству, так и по составу участников. К ним относятся: клиенты (заемщики и кредиторы), регуляторы и государственные органы, региональные власти и банковское сообщество, широкие деловые круги. Согласно современной трактовке (часто называемой инвестиционной), заинтересованные лица — «это индивиды или клиентура, которые вносят, намеренно или ненамеренно, свой вклад в деятельность корпорации и ее экономический потенциал (*wealth-creating capacity*) и поэтому являются потенциальными бенефициарами корпорации и/или принимают на себя ее риски» [18, p. 20].

Важно отметить, что абсолютное большинство представителей вузовской и академической науки, банковских аналитиков и независимых экспертов являются заемщиками или кредиторами отечественных банков, т. е. их реальными инвесторами, и должны иметь возможность в той или иной мере участвовать в контроле за деятельностью банковской системы. Финансовые власти, и прежде всего банковские регуляторы, также являются стейкхолдерами-инвесторами, поскольку осуществляют специфические некапиталоемкие вложения в формирование механизмов пруденциального регулирования и надзора и могут подвергаться серьезному репутационному риску в случае некачественного выполнения своих функций.

Разные категории стейкхолдеров отличаются по уровню их влияния на ход развития компаний и банков. Последнее, согласно модели, предложенной А. Менделоу, связано с двумя факторами — властью и интересом стейкхолдера [19]. Власть заинтересованного лица определяется его способностью оказывать влияние на организацию, а его интерес — желанием влиять на организацию. Как нам представляется, для стейкхолдера-инвестора интерес будет прямо пропорционален риску его вложений, определяющему стремление к контролю за их использованием. Отсюда стремление к усилению властных позиций даже при стабильной величине инвестиций.

Другими словами, формула влияния должна иметь следующий вид:

влияние заинтересованного лица = власть × интерес (риск).

На основе данной формулы можно выделить четыре базовые линии поведения, зависящие от соотношения «власть–интерес» и образующие матрицу (power-interest matrix): 1) для соотношения «слабая–низкий» характерна линия малых усилий (low effort); 2) для «сильная–высокий» — ключевых игроков (key players); 3) для «слабая–высокий» — позиция информационного игрока (keep informed); 4) для «сильная–низкий» — нейтральная позиция (keep satisfied).

Применительно к российским условиям предложенная модель позволяет:

- выяснить причину инерционного подхода финансовых властей страны к выработке и реализации стратегии. Данные органы действуют в пределах отведенных им полномочий и поэтому стремятся в первую очередь минимизировать риски в области фискальных отношений и инфляции, а не к принятию на себя дополнительных инвестиционных рисков. Поэтому нет ничего удивительного в их желании увеличить влияние исключительно за счет усиления властных позиций в органах власти. Такая позиция в терминах модели Менделоу может быть скорее обозначена как нейтральная;
- объяснить закономерное формирование коалиций менее влиятельных стейкхолдеров путем создания банковских ассоциаций для консолидированного взаимодействия с государственными структурами и финансовыми властями. Это стремление объясняет также трудности создания единого «профсоюза» банкиров, в котором могут игнорироваться мнения наименее влиятельных членов. Данную категорию лиц не удовлетворяет позиция «остаться в курсе событий», которую им отвели создатели стратегических разработок последних лет.

Из сказанного следует достаточно очевидный вывод о том, что для «запуска» механизма государственного стратегического управления необходимо пройти еще одну «развилку» — выработать согласованные подходы:

- к вовлечению в стратегические процессы самых широких кругов заинтересованных лиц. Важную роль призваны сыграть экспертное сообщество, представители Роспотребнадзора, отечественные и зарубежные ученые. Нужно создать «площадки» для обсуждения, учета и согласования их мнений и интересов при формировании и реализации стратегии;
- к повышению инвестиционной активности наиболее влиятельных стейкхолдеров. Для них стратегия должна стать не межведомственным документом, предназначенным для координации усилий по разработке нормативно-правовых актов, а конкретным планом действий по достижению целей развития банковской системы. В этой связи как положительный момент следует отметить участие Минфина в создании совместно с ИFC и Внешэкономбанком фонда капитализации небольших российских банков объемом более 1 млрд долл. Однако вклад Министерства в размере 50 млн долл. нельзя назвать адекватным. Было бы логичнее существенно увеличить этот взнос за счет доходов от реализации госпакетов акций Сбербанка России и ВТБ. Тем самым ускоренная капитализация национальной банковской системы и рост ее конкурентоспособности будут достигнуты за счет средств самой системы и без ущерба для бюджета страны;
- к организации государственного стратегического планирования и управления в банковском секторе экономики. Эта деятельность связана с активной позицией Минэкономразвития и может быть реализована по двум взаимосвязан-

ным направлениям: а) согласование мер и механизмов реализации банковской стратегии с целями и инструментами энергетической, транспортной и иных инновационных стратегий, обеспечивающих реализацию направлений Концепции 2020; б) широкое обсуждение всеми заинтересованными лицами разработанного Министерством проекта Федерального закона «О государственном стратегическом планировании» (октябрь 2009 г.). Данный доктринальный документ должен быть объектом самого тщательного концептуального анализа, поскольку именно он призван стать основой для выработки и реализации действительно стратегически важных решений.

Важность такого анализа обусловлена как местом планирования с общей «стратегической композицией», описанной выше, так и пониманием того, что «всякое содержание получает определение лишь как момент целого, вне которого оно есть необоснованное предположение, или субъективная уверенность» [20, с. 100].

Литература

1. Кох Р. Стратегия. Как создать и использовать эффективную стратегию. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003.
2. Канаев А. В. Стратегическое управление коммерческим банком: концептуальные основы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
3. Концепция национальной безопасности Российской Федерации: Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 1300. URL: <http://www.kodeks.ru> (дата обращения: 14.06.2011).
4. Сорокин Д. О стратегии развития России // Вопросы экономики. 2010. № 8. С. 28–40.
5. Абалкин Л. От экономической теории до концепции долгосрочной стратегии // Вопросы экономики. 2010. № 6. С. 4–9.
6. Шохина Е. Развитие как формальность // Эксперт. 2011. № 7. С. 50–52.
7. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года: Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22.11.2008 № 1734-р. URL: <http://www.kodeks.ru> (дата обращения: 14.06.2011).
8. Алымов Ю. М. О стратегии развития банковского сектора экономики Беларуси на 2011–2015 годы // Банковский вестник. 2011. № 5. С. 5–11.
9. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года: Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.11.2009 № 1715-р. URL: <http://www.kodeks.ru> (дата обращения: 14.06.2011).
10. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года: Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р. URL: <http://www.kodeks.ru> (дата обращения: 14.06.2011).
11. Инвестиции в России. 2009: Стат. сб. М., 2009.
12. Глазьев С. У нас макроэкономика абсурда // Национальный банковский журнал. 2006. № 6(29). URL: <http://www.nbj.ru/publs/banki-i-biznes/2006/06/07/archive-publ-9472/index.html> (дата обращения: 14.06.2011)
13. Солнцев О. Сломать инерционный тренд // Эксперт. 2008. № 16. С. 68–71.
14. Солнцев О. Финансовый сектор: перспективы развития и политика национальной конкурентоспособности // Банковское дело в Москве. 2005. №11; №12. URL: <http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Analytics/BDM/BDM.pdf> (дата обращения: 14.06.2011).
15. Russia's quasi-sovereign debt. Deutsche Bank Research. January 27, 2011 URL: http://www.dbresearch.com/PROD/DBR_INTERNET_EN-PROD/PROD000000000269066.pdf (дата обращения: 14.06.2011).

16. The Global Competitiveness Report 2010–2011. World Economic Forum Geneva. 2011. P. 286–288. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2010-11.pdf (дата обращения: 14.06.2011).

17. The Financial Development Report 2010. World Economic Forum USA Inc. 2010. P. 11. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FinancialDevelopmentReport_2010.pdf (дата обращения: 14.06.2011).

18. *Post J. E., Preston L. E., Sachs S.* Redefining the Corporation. Stakeholder Management and Organization Wealth. Stanford University Press, 2002.

19. *Mendelow A. L.* Proceedings of the Second International Conference on Information Systems. Cambridge, 1991.

20. *Гегель Г. Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975.

Статья поступила в редакцию 26 июня 2011 г.